

© 2023. М. В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещичьей усадьбы до дачи советского периода)

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация: Личная или семейная библиотека — неременный и значимый элемент жизни образованного человека. Особую ценность представляют писательские библиотеки, формирующиеся как за счет покупки новых изданий, так и благодаря получению книг в дар, причем обычно с дружескими надписями. Знакомство с библиотекой писателей помогает прояснить круг чтения того или иного автора, выявить возможные влияния, а дарственные надписи — оценить уровень отношений. Интерес к книгам, круг чтения, возможность понять и обсудить прочитанное — важные элементы характеристики литературных персонажей. На основе рассмотрения наследия Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Б. К. Зайцева, К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина и А. Т. Твардовского показано, что сформировавшаяся в XIX в. литературная традиция усадебного и дачного чтения, собирания библиотеки получила свое развитие в произведениях авторов XX в.

Ключевые слова: личная библиотека, русская усадьба, дача, круг чтения, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин, А. Т. Твардовский.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.06.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 09.07.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Скороходов М. В. Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещичьей усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 202–217. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 202–217. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 202–217. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Maxim V. Skorokhodov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Reading and Library in the Russian Literary Tradition (From a Landowner's Estate to the Dacha of the Soviet Period)

Acknowledgments: *This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051 (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).*

Abstract: A personal or family library is an indispensable and significant element of an educated person's life. Of particular value are writers' libraries, which are formed both by buying new publications and by receiving books as a gift, and usually with friendly inscriptions. The study of a writer's library helps to clarify the author's reading circle and identify possible influences. Gift inscriptions help to determine the level of relationship. Interest in books, reading circle, possibility to understand and discuss the readings are important characteristics of literary characters. The article examines the legacy of N. V. Gogol, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, B. K. Zaitsev, K. G. Paustovsky, M. M. Prishvin and A. T. Tvardovsky. The analysis shows that the literary tradition of homestead and dacha reading and library collecting, which was formed in the 19th century, was developed in the works of the 20th century authors.

Keywords: personal library, Russian estate, dacha, reading circle, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, B. K. Zaitsev, K. G. Paustovsky, M. M. Prishvin, A. T. Tvardovsky.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Received: June 16, 2023

Approved after reviewing: July 09, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Skorokhodov, M. V. "Reading and Library in the Russian Literary Tradition (From a Landowner's Estate to the Dacha of the Soviet Period)." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 202–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217>

Регулярное чтение книг и газет, собирание личной или семейной библиотеки — важные занятия русского образованного человека на протяжении многих веков. Увлеченность чтением отразилась в произведениях отечественной словесности XIX–XX вв., в эпистолярном наследии писателей, в свидетельствах их современников.

Изучение круга чтения и состава личных библиотек писателей представляет значительный интерес как для литературоведов, так и для специалистов по библиотечному и книгоиздательскому делу. Описания писательских библиотек позволяют обнаружить возможные влияния, актуальную тематику, выявить сферу творческих интересов, а также прояснить круг общения, поскольку значительную часть библиотек неизбежно формируют книги современных писателю авторов, часто снабженные дарственными надписями. В числе наиболее значимых и востребованных специалистами — описания библиотек В. А. Жуковского [Библиотека В. А. Жуковского], А. С. Пушкина [Модзалевский], А. Н. Островского [Библиотека А. Н. Островского], Ф. М. Достоевского [Библиотека Ф. М. Достоевского], А. П. Чехова [Ханило], М. Горького [Балика; Личная библиотека А. М. Горького] и А. А. Блока [Библиотека А. А. Блока].

Известны примеры, когда авторские собрания становятся основой для формирования общедоступных библиотек. Так, библиотека графа Г. А. Строганова, насчитывавшая около 24 тысяч томов — книги на английском, французском, немецком, испанском, итальянском, шведском и русском языках, составила основу первоначального собрания Томского государственного университета [Poplavskaya, Kolosova, Ablogina].

Русские писатели-классики, авторы XX в. и современные поэты, прозаики и драматурги обращаются в своем творчестве, в том числе в автобиографических произведениях, к достаточно распространенному в отечественной словесности мотиву — мотиву чтения. В. Г. Андреева обосновывает наличие в русской словесности особого мотива —

«мотива усадебного чтения» [Андреева: 81]. Процесс чтения обеспечивает как семейная или личная библиотека, так и регулярно приходящие газеты, благодаря которым обитатели усадеб и дач получают свежие новости. Так, по крайней мере, было до широкого распространения телевидения.

Наличие библиотеки, сохранение ее последующими поколениями, чтение книг — одно из свидетельств образованности человека, его интеллигентности. Внимание к книгам относится к числу положительных характеристик персонажей литературных произведений.

Среди наиболее располагающих к чтению мест — пространство вдали от повседневной городской суеты, которое называли то деревней, то усадьбой, то имением, то дачей. По сути, в разные времена это достаточно уединенное и приспособленное как для работы, так и для отдыха место. Здесь имелась возможность для гармоничного соединения времени, уделяемого творчеству, с часами безмятежного отдыха. За пределами города эти два вида деятельности не противопоставлялись друг другу, а становились взаимно дополняющими занятиями.

Л. Н. Толстой 8 ноября 1892 г. писал Н. Н. Ге (сыну): «Мы в деревне <...> В мои годы хорошо жить в тишине, ожидать голоса Бога и прислушиваться к нему...» [Толстой: 273]. «В деревню» стремились и писатели более позднего времени. Так, К. Г. Паустовский, надеясь на уединение в Солотче под Рязанью, был огорчен тем, что место его проживания становилось все более и более многолюдным (не в последнюю очередь благодаря его собственным произведениям, в которых он восхвалялся Солотчей). Писатель 6 августа 1938 г. делился своими мыслями с сыном: «Солотча очень испортилась, — вся запружена дачниками <...>. Чтобы поудить по-настоящему, приходится уходить на Черное озеро и даже дальше, на Поганенькое — очень глухое озеро с зыбучими берегами. <...>» [Паустовский 9: 156]. Позже Паустовский перебрался в менее доступную из-за сложной логистики Тарусу. Уединение на даче-усадебке в подмосковном Дунине обрел в последние годы жизни М. М. Пришвин, 31 августа 1947 г. отметивший в своем дневнике: «Все дачники уехали из Дунина, и вечером стало светло (их электрические печки уехали). Пишу “Моя страна”. Ляля [так писатель называл свою супругу — В.Д. Пришвину. — М. С.] вчера уехала в Москву» [Пришвин. Дневники 1946–1947: 642].

Нередко в круг чтения «в деревне» входили собственные, только что написанные или даже еще не завершенные тексты, которые впервые обретали слушателей — родных и знакомых, а порой и профессиональных литераторов и критиков, суждения которых подчас использовались авторами при окончательной доработке произведений.

Например, в Дунине Пришвин в соответствии с традициями усадебной жизни читал близким не законченные произведения. Об этом свидетельствует, в частности, запись от 2 сентября 1948 г.: «Вечером читал Яснопольской чете “Осуд<ареву> дорогу”: прочел 43 стр.» [Пришвин. Дневники 1948–1949: 231].

Такой вариант чтения описан и в рассказе Паустовского «Пустая дача» (1946), в котором понятия усадьба и дача используются как синонимы, обозначающие одно и то же пространство на «любимой подмосковной земле» [Паустовский 9: 377], где живет писатель Архипов. На даче с мезонином он читает недописанный и трудно идущий рассказ двум молодым зенитчицам и вернувшемуся с фронта бойцу. Они, внимательные слушатели, рассеивают сомнения писателя в необходимости и актуальности его творческого замысла, вселяют уверенность в важности избранной профессии.

В советское время, как свидетельствуют дневниковые записи А. Т. Твардовского, дачные библиотеки порой становились местом своего рода ссылки тех книг, которые не было необходимости перечитывать. В начале 1960-х гг. поэт заботился главным образом о полноте и при этом желательной компактности своей городской библиотеки в квартире на Кутузовском проспекте в Москве. «Только и смог, — записал он 19 марта 1961 г., — выбраковать часть книг (на дачу до поры), которых заведомо не прочесть или прочитанных, но не требующих повторного к ним обращения. Библиотека должна быть из книг любимых и необходимых, в том числе справочных, — и все» [Твардовский 1: 29]. Отметим, что в тот период пристального интереса широкого читателя к книгам и журнальным публикациям важно было иметь издание именно в личной библиотеке, поскольку на наиболее востребованные в государственных библиотеках поступления возникали очереди. Со временем библиотека на даче Твардовского в подмосковной Красной Пахре стала преобразовываться в творческую мастерскую: «Планировал с Мишей кабинет-библиотеку в гараже б<ывшего> владельца дома, — отметил поэт 5 ноября 1966 г. — Тоже одна из утех возрас-

та — представлять, как там у большого окна будет большой письменный стол, а справа поперек у стенки — лежачок, и все это под косым “неформенным” потолком, и как там будет хорошо писать» [Твардовский 1: 493]. Со временем дачная библиотека Твардовского настолько разрослась, что и сама потребовала «выбраковки»: «мне здесь предстоит <...> очистительная работа, — записывает он в дневнике 21 ноября 1967 г., — вынести книги и все, что есть, из “библиотеки” на веранду <...>, и уж оттуда обратно на полки — с отбором, с выбраковкой изнурительной муры, накапливающейся из месяца в месяц» [Твардовский 2: 84]. Дневниковая запись от 5 сентября 1969 г. свидетельствует о том, что дачный дом и, соответственно, сосредоточившаяся там часть библиотеки становится более важной, чем московская библиотека: «В городе — мертвая квартира (для меня), мертвая, как склад, библиотека, шкаф с “полным собранием” — почти всеми моими книжками. Здесь “офис” и — теперь — эта комната, которая хороша мне своей неформенностью “кабинета”» [Твардовский 2: 396].

В любой библиотеке, огромной или совсем скромной, всегда присутствуют наиболее любимые и ценимые издания. Например, Твардовский, живя летом 1964 г. в Красной Пахре, за месяц, «кроме журнальных материалов, — как следует из его записи от 17 августа 1964 г. — прочел, кажется, только Жана де Лабруйера <...>. Это одна из “книг-одиночек”, биб<лиоте>ку которых я держу в голове. / 1. Джон Теннер. / 2. Энгельгардт. — Письма из деревни. / 3. Лабруйер. — Характеристики. / 4. Ксенофонт. — Анабозис (?). / 5. Житие протопопы Аввакума. / 6. Есть писатели многотомные <...>. Но есть авторы единственной (или главной) книги, которых нельзя не прочесть. <...> это давнее мое наблюдение в потоке чтения» [Твардовский 1: 278–279]. Комментаторы процитированного текста отмечают, что книга «Житие протопопы Аввакума, им самим написанное» (М.: Academia, 1934) была одним из первых приобретений Твардовского для его личной библиотеки (цитаты из жития неоднократно появляются на страницах его дневниковых записей, как, кстати, и цитаты из романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» — также одной из наиболее ценимых им книг). Рукой М. И. Твардовской перечень Твардовского дополнен следующими позициями: «Герцен — “Былое и думы”, Сервантес — “Дон Кихот”, “Слово о полку Игореве”, Достоевский — “Записки из Мертвого дома”, Тургенев — “Записки охотника”, Гончаров — “Фрегат «Паллада»”, Аннен-

ков — «Литературные воспоминания», Эд. Гонкур — «Дневник», Томас Манн (многое)» [Твардовский 1: 603]. Отметим также, что с любовью собираемую коллекцию произведений И. А. Бунина Твардовский пополнял при содействии А. К. Бабореко [Твардовский 1: 608], а наиболее часто перечитываемым им писателем был Л. Н. Толстой. Об этом внимании к русскому классику знали исследователи толстовского наследия — в 1958 г. редколлегия 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого вручила Твардовскому полный комплект подготовленного ими издания.

С комплексом таких «книг-одиночек», о которых пишет Твардовский, частично пересекается комплекс книг — «вечных спутников», о которых неоднократно размышлял в своем дневнике М. М. Пришвин. 17 сентября 1926 г. он фиксировал планы: «Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) о царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое, 2) охотничий, 3) «Вечные спутники»» [Пришвин. Дневники 1926–1927: 137]; 2 октября 1934 г. пояснял: «Мои вечные спутники [приписка: поэты. — М. С.]: Лермонтов, Блок, Есенин <...>. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун» [Пришвин. Дневники 1932–1935: 501].

Для Пришвина чтение художественных текстов — это не только получение эстетического удовольствия, но и стремление погрузиться в мир другого автора, понять, каким образом особенности его жизненного пути воплотились в творчестве. Об этом — в начале «Осударевой дороги»: «Всегда я понимал при чтении книг, что автор и есть настоящий источник его героев» [Пришвин 6: 6].

Мотивы чтения и библиотеки актуальны для творчества И. С. Тургенева. Чтение книг во многом определяет кругозор персонажей его произведений, сферу их интересов. Характерный пример — слова Зверкова в рассказе «Ермолай и мельничиха» («Записки охотника»): «Россия вам, господа, незнакома, — вот что!.. Вы все только немецкие книги читаете» [Тургенев 2: 27].

В другом рассказе из «Записок охотника», «Уездный лекарь», наличие передаваемой по наследству библиотеки положительно характеризует героев. «...Все семейство мне нравилось. Люди они были хоть и неимущие, но образованные, можно сказать, на редкость», — говорит лекарь, подтверждая свои слова следующим образом: «Отец-то у них был человек ученый, сочинитель; умер, конечно, в бедности, но воспи-

тание детям успел сообщить отличное; книг тоже много оставил» [Тургенев 2: 49]. Однако наличие книг и пополнение библиотеки отнюдь не означает, что владелец книжного собрания является активным читателем имеющихся у него изданий. Яркий пример — рассказ «Бурмистр», герой которого Аркадий Павлович «выписывает французские книги, рисунки и газеты, но до чтения небольшой охотник: “Вечного жид” едва осилил» [Тургенев 2: 155].

Описание неиспользуемой библиотеки может расширять характеристику заброшенности всего дома, подчеркивать его неухоженность. Мардарий Аполлоныч Стегунов, герой рассказа Тургенева «Два помещика», живет «совершенно на старый лад» [Тургенев 2: 209]: «в кабинете стол с бумагами, ширмы синеватого цвета с наклеенными картинками, вырезанными из разных сочинений прошедшего столетия, шкапы с вонючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь в сад...» [Тургенев 2: 210]. Книги предназначались Стегуновым для создания атмосферы кабинета, однако ни сами книги, ни иллюстрации из них не могут оживить интерьер, эти детали лишь подтверждают, что комната превратилась в заброшенный склад.

В данном контексте продуктивно обратиться к ранней повести Л. Н. Толстого «Утро помещика» (1856), главный герой которой 19-летний князь Дмитрий Неклюдов, оставив университет, уезжает в свою усадьбу (в «деревню»), где занимается хозяйственными делами, и к первому варианту этого произведения — «Роману русского помещика». Рассмотрим строки, посвященные краткому описанию той комнаты в просторном усадебном доме, в которой в одиночестве жил князь, в ранней и окончательной редакциях. Различия в характеристике книг, находящихся в этой комнате, меняют общее представление о жилище героя. Неклюдов стремится к тому, чтобы в избах и на дворах крестьян было опрятно, чтобы не бросалась в глаза нищета, однако в его собственной комнате нет никакого порядка. В «Романе русского помещика» описана следующая картина: «В небольшой комнате этой стоял старый, английский рояль, большой письменный стол и кожаный истертый диван, обитый медными гвоздиками, на котором спал мой герой, и несколько таких же кресел, вокруг комнаты было несколько полок с книгами и бумагами, и нотами. — В комнате было чисто, но беспорядочно, и этот жилой беспорядок составлял резкую противу-

положность с чопорным барским убранством других комнат большого бабуриного дома» [Толстой: 356]. В повести предстает менее ухоженное помещение: «На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов. Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот живой беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома» [Толстой: 168]. Наличие книг и бумаг не на специальных полках («Роман русского помещика»), а на полу («Утро помещика») свидетельствует о меньшей организованности жизни владельца усадьбы, поэтому различаются и другие детали описания: «чисто, но беспорядочно» — и, соответственно, «бесхарактерный и беспорядочный вид», меняется и общая характеристика комнаты: вместо «жилого беспорядка», т. е. беспорядка, характерного для жилья, свойственного жилым помещениям, — «живой беспорядок», подчеркивающий подвижность составляющих беспорядок элементов, общую жизненность ситуации. Мотив чтения появляется в повести только как память о прошедшем, об учебе и вызванной ею необходимости обращаться к книгам — чтение являлось в тот момент обязанностью, необходимостью, чем-то скучным. Неклюдов вспоминает, как они со своим товарищем «часов пять сряду читали и повторяли какие-то скучные записки гражданского права» [Толстой: 167], [Alison].

Наличие «книг и бумаг» — характерная черта усадебного кабинета, их отсутствие воспринимается в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя как нарушение заведенного порядка — в кабинете Ноздрева «не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то есть книг или бумаги; висели только сабли и два ружья» [Гоголь: 74]. В кабинете Манилова «всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года» [Гоголь: 25]. Проблему круга чтения Гоголь ставит во втором томе поэмы, где описывает «книгохранилище» помещика Кошкарева.

Главный герой рассказа «Однодворец Овсяников» отличался тем, что «читал одни духовные книги (причем с важностью надевал на нос круглые серебряные очки)» [Тургенев 2: 68], а Василий Николаич Любозвонов «словно красная девушка: все книги читает, али пишет, а не то вслух канты произносит» [Тургенев 2: 79]. Дачная жизнь, описанная в романе «Накануне», также, как и усадебная, оказывается обедненной без чтения книг, поэтому Берсенева отправляется из Кунцева близ Москвы в город,

чтобы «купить кой-какие книги» [Тургенев 4: 34]. Для Инсарова, занимающего одну из комнат дачи, важны деловое чтение и работа, поэтому первое, что он обустроивает в новом для него помещении, — это письменный стол: «он учился и русской истории, и праву, и политической экономии, переводил болгарские песни и летописи, собирал материалы о восточном вопросе, составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских» [Тургенев 4: 57]. Для Елены Стаховой обращение к книгам — свидетельство сильного душевного волнения в ожидании прихода Инсарова и предстоящего объяснения с ним: «Елена взялась за книгу, потом за шитье, потом опять за книгу; потом она дала себе слово пройтись сто раз по одной аллее, и прошлась сто раз...» [Тургенев 4: 99]. Берсеневу, находящемуся рядом с тяжелобольным Инсаровым, чтение книг дает возможность хотя бы немного отвлечься от тягостных мыслей: он «взялся за книгу. Раумера уж он давно кончил: он теперь изучал Грота» [Тургенев 4: 136]. Писательская судьба Марии Альварес, героини романа Паустовского «Дым отечества», дочери испанского аристократа, поэтессы, связана с книгами, с библиотекой. С оставшихся от деда «книг все и началось» — «и увлечение поэзией, и знакомство с поэтами, журналистами, писателями» [Паустовский 2: 403].

Упоминание книг позволяет раскрыть уровень образованности Павла Петровича Кирсанова, героя романа «Отцы и дети», который «прочел всего пять, шесть французских книг» [Тургенев 4: 224]. Книжки не представляли для него ценности не только в молодости, но и в зрелые годы. Для его брата Николая Петровича чтение книг становится способом занять чем-то свое время. «Сегодня я сижу да читаю Пушкина... Помнится, *Цыгане* мне попались...» [Тургенев 4: 246], — рассказывает он Павлу Петровичу. Одинцова же в отличие от братьев «не теряла времени в уединении: она прочла несколько хороших книг» [Тургенев 4: 284].

В автобиографической тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» девушки-героини часто зачитываются в усадьбах романами, это позволяет раскрыть сферу их интересов, которые близки усадебным традициям. Героини надеются на воплощение романтических сюжетов в реальной жизни. Усадебная обстановка во многом располагает к неспешному чтению, к некой старомодности самого бытия на лоне усадебных садов, вблизи от березовых рощ и будто зовущих окунуться в освежающие воды прудов.

Один из непреходящих атрибутов усадебной и дачной жизни — получение и чтение корреспонденции. Газеты и письма — источник сведений о происходящих в России и в мире событиях, о жизни родных и знакомых. Чтение газеты «Русские ведомости» — одно из ежедневных занятий отца главного героя тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности такого времяпрепровождения и Глеб. Обычно подобное чтение вызывает положительные эмоции, однако в периоды кризисов, войн, революционных потрясений обитатели усадеб ждут корреспонденцию с явным нетерпением. Так происходит, к примеру, в романе «Юность» (события разворачиваются во время Русско-японской войны) — у отца Глеба чтение газет рождает раздражение, впрочем, весьма быстро проходящее. Интерес к чтению корреспонденции передается и представителям младшего поколения.

Во время революционных событий 1917 г. чтение газет, получаемых в Галкине, вызывает негативные эмоции отца героини-повествователя (роман Зайцева «Золотой узор»). Отсутствие газет, пусть и приносящих нервную волну, волнующие новости, — один из признаков крушения устоявшегося миропорядка. Тишина и неизвестность — страшное испытание, а доходящие разными путями слухи лишь усиливают волнение и свидетельствуют о все большей трагичности происходящего.

Именно из газет Федор Иванович Лаврецкий в романе «Дворянское гнездо» узнает о путешествии за границей своей жены. Ему привезли «из города вино, книги, журналы <...>. Впрочем, он читал мало...» [Тургенев 3: 241]. Газеты, в том числе с сообщением о смерти супруги, две недели нераспечатанными пролежали на столе Лаврецкого.

Случалось, что полученная из газет информация доводилась до сведения крестьян, которые, однако, далеко не всегда могли ею воспользоваться. Так, Еремей Лукич Чертопханов, герой рассказа Тургенева «Чертопханов и Недопюскин», вычитал в «Московских ведомостях» «статьку о пользе нравственности в крестьянском быту, и на другой же день отдал приказ всем крестьянам немедленно выучить статью <...> наизусть» [Тургенев 2: 354]. Его сын Пантелей Еремеич не блистал умом и эрудицией — «по-русски читал мало, по-французски понимал плохо», «помнил, что был на свете Вольтер, преострый сочинитель» [Тургенев 2: 363]. Уровнем образованности ему близки как Пигасов, персонаж романа «Рудин», известный тем, что «никогда книги в руки

не брал» [Тургенев 3: 17], так и Елена Антоновна Чепузова, у которой «во всем доме нет ни одной книги, кроме календаря, и читать она не может иначе, как вслух» [Тургенев 3: 19]. Уединенно живущий лесник Алексей Желтов, герой рассказа Паустовского «Кордон “273”», встречает гостей, сидя на лавочке возле избы и читая газету. Впрочем, в данном случае такое чтение — «явная хитрость. Он нас давно уже заметил в окошко и нарочно вышел с газетой на порог» [Паустовский 6: 417].

Чтение газет является важным и для писателей советского времени. Так, дневниковые записи Пришвина указывают на чтение им газет. В отношении к газетам — отличие пристрастий Михаила Михайловича и его супруги Валерии Дмитриевны. Пришвин 17 июля 1948 г. записал: «Понятно, почему Ляля не читает газет и не интересуется событиями текущего времени. Это происходит по тому же душевному закону, по какому Марья Васильевна не умеет и не хочет заводить будильник. Это побег от времени, от изменений и зависимости своего духа от внешних событий» [Пришвин. Дневники 1948–1949: 192]. И два дня спустя: «Ляля не считается со временем: не читает газет» [Пришвин. Дневники 1948–1949: 193].

Разговор о книге, пусть даже непрочитанной, может стать началом интенсивного общения: Дарья Михайловна Ласунская, дом которой «считался чуть ли не первым по всей ...ой губернии» [Тургенев 3: 13], «протянула Рудину французскую брошюру», которую тот не читал, но «часто размышлял» о затронутом автором вопросе — и «разговор завязался» [Тургенев 3: 34]. Начитанностью отличалась другая героиня романа «Рудин» — Наталья Алексеевна, она читала и те книги, которые подбирала для нее Дарья Михайловна («исторические книги, путешествия и другие назидательные сочинения» — [Тургенев 3: 53]), так и те, «существование которых m-lle Wopcourt не подозревала: она знала наизусть всего Пушкина...» [Тургенев 3: 54]. Поэтому девушка и стала для Рудина незаменимым человеком, он ей доверял и мнение ее ценил. Однако нередко смысл его статей и сочинений оставался для Натальи Алексеевны недоступным.

Круг чтения литературных персонажей выявляется наиболее рельефно именно в процессе общения — как у Варвары Павловны и Паншина в «Дворянском гнезде»: «Паншин навел разговор на литературу: оказалось, что она так же, как и он, читала одни французские книжки...» [Тургенев 3: 330].

Чтение — значимый и необходимый элемент жизни писателей в разные исторические эпохи. Изучение исторической литературы помогло им глубже понять события своего времени. Характерна в этом отношении запись Пришвина от 18 июля 1948 г.: «Вычитал из истории Средних веков, что борьба между иконоборцами (сектантами) и иконодудами (монахами) была упорная, долгая и глубокая, и я понял, что наше время смотрит в зеркало прошлого: большевиков можно понять как иконоборцев (рационализм), а церковников — прежних иконодудов» [Пришвин. Дневники 1948–1949: 192–193].

Читал Пришвин и произведения современных ему авторов, с некоторыми из которых периодически встречался или переписывался. Так, 28 июля 1948 г. он упоминает повесть Паустовского «Преодоление времени», написанную, по его мнению, под чеховскую «Степь». «Опыт очень интересный: внимательное разглядывание мелочей жизни в добром расположении к человеку...» [Пришвин. Дневники 1948–1949: 202]. Напомним, что произведение Паустовского «Преодоление времени: повесть о лесах» публиковалось в журнале «Огонек» с № 17 за 4 июля 1948 г. (со временем подзаголовки станут общепринятым заглавием [Скороходов]).

Интенсивное чтение было характерно для Паустовского, А. П. Гайдара и Р. И. Фраермана, живших в 1930-е гг. в Солотче под Рязанью в доме, принадлежавшем ранее гравёру И. П. Пожалостину. В рассказе «Прощание с летом» Паустовский писал: «Лучше всего было по вечерам. Мы затапливали печи. Шумел огонь, багровые отсветы дрожали на бревенчатых стенах и на старой гравюре — портрете художника Брюллова. Откинувшись в кресле, он смотрел на нас и, казалось, так же как и мы, отложив раскрытую книгу, думал о прочитанном и прислушивался к гудению дождя по тесовой крыше» [Паустовский 6: 260]. И далее: «После чая мы садились у печки и читали. В такие вечера приятнее всего было читать очень длинные и трогательные романы Чарльза Диккенса или перелистывать тяжелые тома журналов “Нива” и “Живописное обозрение” за старые годы» [Паустовский 6: 260]. Еще один пример — из рассказа «Жильцы старого дома» (1940): «Изредка мы устраивали на чердаке раскопки и среди разбитых оконных рам и занавесей из мохнатой паутины находили <...> огромную тяжелую книгу с гравюрами из древней истории...» [Паустовский 6: 250]. Напомним, что о чтении в минуты отдыха Паустовский писал и в созданном

задолго до жизни в Солотче романе «Романтики» (1916–1923): «Я читал желтенькую книжечку “Универсальной библиотеки” Анри де Ренне, читал медленно, часто откладывал ее и втягивал в себя острый запах рассола» [Паустовский 1: 150].

В рассказе Паустовского «Подарок» к чтению приобщается и молодое поколение: «...внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати. Он <...> прибежал <...> почитать журналы “Вокруг света”. Толстые переплетенные тома этого журнала валялись в чулане вместе с веслами, фонарями и старым ульем» [Паустовский 6: 257].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что на протяжении XIX–XX вв. в русской загородной жизни сформировалась устойчивая традиция создания усадебных или дачных библиотек, пути формирования которых могли быть самыми разными, но в любом случае они становились основой для важного занятия, характерного для пребывания в «деревне» — чтения. Часто это было чтение вслух с последующим обсуждением прочитанного, в том числе текстов кого-либо из присутствовавших. Немаловажную роль играли и другие варианты чтения — содержащие новости газет и другой корреспонденции, а также деловое чтение.

Рассматриваемая традиция прослеживается в загородной жизни самих писателей, а также находит отражение в художественных произведениях, причем отношение к книге, к чтению, способность усвоить и обсудить прочитанное — существенные характеристики, позволяющие раскрыть внутренний мир героев, представить их кругозор. Пренебрежение владельцев книгами, отсутствие внимания к книжным полкам, покрытым пылью и паутиной, становится одним из свидетельств общей неухоженности, неопрятности жилища, неустроенности быта, а иногда и полной, усиливающейся со временем заброшенности дома.

Список литературы

Источники

Гоголь Н. В. Мертвые души. Т. 1 // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 5–247.

Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.

Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1986.

- Пришвин М. М. Дневники 1926–1927. Книга пятая. М.: Русская книга, 2003. 582 с.
- Пришвин М. М. Дневники 1932–1935. СПб.: Росток, 2003. Кн. 8. 1008 с.
- Пришвин М. М. Дневники 1946–1947. М.: Новый Хронограф, 2013. 968 с.
- Пришвин М. М. Дневники 1948–1949. М.: Новый хронограф, 2014. 824 с.
- Твардовский А. Т. Новомировский дневник: в 2 т. / предисл. Ю. Г. Буртина; подг. текста, коммент. В. А и О. А. Твардовских. М.: ПРОЗАиК, 2009.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1932. Т. 4: Севастопольские рассказы. Утро помещика. 454 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб.: Тип. Глазунова, 1883.

Исследования

- Андреева В. Г. Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // Филологические науки. 2021. № 6. С. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080>
- Балика Д. А. Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет. Горький: 11-я тип. треста «Полиграфкнига», 1948. 68 с.
- Библиотека А. А. Блока: описание: в 3 т. Л.: БАН, 1984.
- Библиотека А. Н. Островского: описание. Л.: БАН, 1963. 273 с.
- Библиотека В. А. Жуковского: описание. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 416 с.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
- Личная библиотека А. М. Горького в Москве: описание: в 2 кн. М.: Наука, 1981.
- Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (библиографическое описание). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 442 с.
- Поплавская И. А., Колосова Г. И., Аблогина Е. В. Славянский мир в книжном собрании графа Г. А. Строганова // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 392–407 <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-392-407>
- Скороходов М. В. К. Г. Паустовский — читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений // Русская словесность. 2023. № 3. С. 55–64.
- Ханило А. В. Личная библиотека Чехова в Ялте. Франкфурт-на-Майне, Lang, 1993. 171 с.

References

- Andreeva, V. G. “Epistoliarное nasledie L. N. Tolstogo rubezha XIX–XX vekov: motiv chteniia v usad’be” [“The Epistolary Heritage of Leo Tolstoy at the Turn of the 19th–20th Centuries: The Motif of Reading in the Estate”]. *Filologicheskie nauki*, no. 6, 2021, pp. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080> (In Russ.)
- Balika, D. A. *Lichnaia biblioteka A. M. Gor’kogo nizhegorodskikh let* [Personal Library of A. M. Gorky of Nizhny Novgorod Years]. Gorky, 11-ia tipografiia tresta “Poligrafkniга,” 1948. 68 p. (In Russ.)

Biblioteka A. A. Bloka: opisaniie: v 3 t. [Alexander A. Blok's Library: A Description: in 3 vols.]. Leningrad, Library of the Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1984. (In Russ.)

Biblioteka A. N. Ostrovskogo: opisaniie [Alexander N. Ostrovsky's Library: A Description]. Leningrad, Library of the Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1963. 273 p. (In Russ.)

Biblioteka V. A. Zhukovskogo: opisaniie [Vasily A. Zhukovsky's Library: A Description]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 416 p. (In Russ.)

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii [Fyodor M. Dostoevsky's Library: An Experience of Reconstruction]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

Lichnaia biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve: opisaniie: v 2 kn. [Maxim Gorky's Personal Library in Moscow: A Description: in 2 books]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Modzalevskii, B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina: (bibliograficheskoe opisaniie)* [Alexander S. Pushkin's Library: (bibliographical description)]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1910. 442 p. (In Russ.)

Poplavskaya, I. A., G. I. Kolosova, and E. V. Ablogina. "Slavianskii mir v knizhnom sobranii grafa G. A. Stroganova" ["Slavic World in the Book Collection of Count G. A. Stroganov"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 392–407. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-392-407> (In English)

Skorokhodov, M. V. "K. G. Paustovskii — chitatel': k voprosu o krughe chteniia i bibliotekakh pisatel'ia i geroev ego proizvedenii" ["Konstantin G. Paustovsky as a Reader: On the Reading Circle and Libraries of the Writer and Characters of His Works"]. *Russkaia slovesnost'*, no. 3, 2023, pp. 55–64. (In Russ.)

Khanilo, A. V. *Lichnaia biblioteka Chekhova v Ialte* [Chekhov's Personal Library in Yalta]. Frankfurt-am-Main, Lang Publ., 1993. 171 p. (In Russ.)